

Как живой с живыми

Когда-то он написал поэму «Во весь голос» — рассказ поэта «о времени и о себе». Сегодня, как бы в ответ на это прямое, честное, открытое объяснение с потомками, его живое слово во весь голос звучит по всей стране и по всей России. Сегодня — его день, его праздник. Из года в год он собирает тысячи и тысячи людей в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Тбилиси, Свердловске и Баку, Воронеже и Кутаиси...

Что заставляет многих и

многих людей сегодня так напряженно вслушиваться в голос поэта-труженика, агитатора, воина, мечтателя, чтобы его перо было приравнено к пистолету? То, что его поэтические манифесты призывали бороться за активное искусство, которое бы вошло в саму жизнь, стало частью этой жизни? То, что «революцией» Маяковский страстно обрушивался на бюрократов, мещан-обывателей, консерваторов, различного рода «прозаседа-

вшихся», и сейчас нам это особенно близко, ибо созвучно проблемам нашего времени? И то, что литературный герой поэта — человек с новой моралью, новым отношением к труду, к народу — это и наш, сегодняшний герой? Или то, что, наконец, сам поэт, по словам Луначарского, был прежде всего «куском напряженной и горячей жизни» и на все участки советского революционного строительства приходил как хозяин и как неутомимый работник? Праз-

дник Маяковского перерос дату поклонения его памяти и вылился в широкое, массовое торжество поэзии.

МОСКВА. Музей Маяковского... Сюда в эти дни приходят сотни людей. Из года в год день рождения и день смерти поэта объявляются здесь днями открытых дверей. Любители поэзии по традиции несут цветы и на Новодевичье кладбище, и к знаменитому памятнику на площади его имени, устраивают встречи с поэтами.

и читают его стихи, обаяющая могучая лирическая сила. Сегодня звучат не только стихи Маяковского — в музее и у памятника свои произведения читают поэты и писатели — наши современники... Традиционно поэты в этот день дарят музею сборники своих стихов с автографами. В музее постоянно поступают и другие дары. Подарки, которые дарят музею люди в праздник и в обычные дни, наряду с приобретениями музея значительно пополняют его коллекцию.

Только за последние три месяца в музей поступило более тысячи различных предметов, и самое ценное среди них — рукописный вариант «Флейты-позвоночника» с рисунками и автографом Маяковского, который до сих пор считался утраченным.

ЛЕНИНГРАД. Ленинградская библиотека имени Вл. Маяковского — одна из старейших в городе, ей 120 лет. Названная именем поэта в 1953 году, в середине лета,

когда проходит по стране праздник его поэзии, библиотека становится притягательным центром для всех, кому дорога русская поэзия.

Сейчас здесь развернута выставка: «Прижизненные издания Маяковского». Она дает разносторонний и яркий портрет эпохи и поэта. «Все, написанное Маяковским, 1909—1919» — именно так озаглавил поэт свое первое собрание сочинений. Первая публикация поэмы «Во весь голос» — в журнале «Октябрь», № 2 за

1930 год. Первая публикация пьесы «Клоп» и сборник «Первый Первомай», 1926 год. Журналы, на страницах которых рассказывается о первых публичных выступлениях Маяковского...

В день рождения Маяковского самые активные участники праздника в библиотеке — ленинградские старшеклассники. Это и понятно: расположенная напротив Ленинградского дворца пионеров библиотека давно стала для них своей.

ВСЕ, ЧЕМ ВЛАДЕЕТ МОЯ ДУША

Отец начал писать воспоминания о работе с Маяковским в конце 30-х годов. Он подводил итог жизни, еще раз задумываясь о событиях и людях, определивших его судьбу. Он долго изучал стиль письма Достоевского, Толстого, Анатоля Франса, прежде чем решился начать рукопись. Писал мой отец карандашом на длинных полосках бумаги, часто делая абзацы и ставя многоточие, как знак того, что еще предстоит вспомнить, объяснить, рассказать...

В этом году исполняется 95 лет со дня рождения Александра Михайловича Родченко. Отец прожил удивительную жизнь... И человеком он был удивительным. Он был художником нового типа — разносторонним, деятельным, преданным Революции. Живописец и график, дизайнер и фотограф, художник книги, театра и кино, педагог и исследователь... Он мечтал соединить искусство с наукой и техникой, разрабатывал фантастические архитектурные сооружения будущего, вводил в декорации театра и кино массу изобретательских новинок. Внешне спокойный, невозмутимый, слегка проинчанный, он пердал свою внутреннюю энергию пульсирующей формой и цветом композициям, пространственным моделям, невиданным ракурсам фото-

графий. Своими снимками и проектами он творил целый мир для себя и своих современников.

Годы совместной работы связывали Владимира Маяковского с моим отцом. Они хорошо понимали друг друга, ведь ничто так не сближает людей, как общее дело. Владимир Владимирович переехал в Александрию Михайловича талант, трудолюбие, умение мечтать. Поэт часто бывал у художников в мастерской. Здесь отец вместе со студентами ВХУТЕМАСа часто выполнял эскизы рекламных плакатов, текст к которым писал Маяковский. В этой же мастерской в 1924 году и была сделана серия фотопортретов поэта, один из которых вы видите. Обо всем этом отец и рассказывал в своих воспоминаниях.

Рукопись отца и оригиналы некоторых работ, выполненных вместе с Владимиром Маяковским: выкрашенные гуашью, рекламы, фотомонтажи — иллюстрации к поэме Маяковского «Про это» мы передали в Государственный музей В. В. Маяковского. Долгое время с ними были знакомы только работники музея, но не так давно впервые некоторые работы отца были опубликованы. Они вошли в сборник «А. М. Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма».

Варвара РОДЧЕНКО.

всякий знает, что такой Родченко и почему важно, что Родченко был в Париже.

Но не зря же, думалось мне, он занимает четвертую часть «Нового ЛЕФа». Тут что-то есть.

Но разочаровался с самого начала — название оказалось «трюком», то были отрывки из писем, которые названный Родченко писал кому-то из своих домашних. Но и это небезынтересно: «Наши за границей».

Я задумался над выражением «стихотворная статья». Что это? Показать, что Маяковский не умел писать прозой, что ли? Оказывается, этот «журналист» так называл стихи Маяковского... В марте на диспуте «ЛЕФ и БЛЕФ» Володя, выступая против Полонского, говорил обо мне.

Во мне он защищал соратника, приверженца определенных установок в искусстве.

Ему было поэтически важно показать не лично меня, не какие-то мои качества, а мои работы и характер моего направления в искусстве.

Со свойственной ему прямолинейностью и темпераментом бойца он характеризовал меня как художника.

Володя всегда считал нужным защищать людей, рядом с ним борющихся.

Я не хочу оправдывать целиком ЛЕФ, но я оправдываю целиком Маяковского.

Мы делали наряду с ценным и нужным безусловно много ошибочного. Например, по моей линии — по искусству.

Совершенный отказ от живописи в пользу фотографии был ошибкой.

ЛЕфы разберлись еще при существовании ЛЕФа.

Но мы должны были быть вместе, и особенно Маяковский не мог быть один, он не привык быть в одиночестве.

И когда он вошел в РАПП, то РАПП не дал ему ни друзей, ни интересной работы, ни идей, ни перспектив... И тогда он ушел совсем... Но я забежал вперед, нужно еще вспомнить о «Клопе».

Это было, кажется, на Таганке.

Мне особенно запомнилось, как начинал Маяковский читать «Клопа». Это было так неожиданно и так гениально оригинально...

Взял рукописи и начал.

В. Маяковский «Клоп» феевическая и т. д.

Вот это очень резкое, неожиданное и очень громкое «В», а остальное все одинаковое, меня так поразило.

Видимо, Мейерхольд был против меня как художника, и потому репетиции уже шли, и первые четыре части современные и бытовые уже делали Кукрыники, а будущее — 70-й год и части 5, 6, 7, 8 и 9-я не делались совсем.

По Володе, видимо, уговорил Мейерхольда, и меня пригласили как оформителя.

Вечером назначена была репетиция с конструкцией и костюмами.

Я нарочно запоздал, и, когда вошел в зал, репетиция шла. Первым подошел ко мне Володя, он пожал руку, сказал «спасибо» и что ему все очень нравится.

Я мрачно заметил, что Мейерхольд недоволен.

Володя сказал, что, наоборот, он в восторге.

Мейерхольд также поздравил меня; как будто днем ничего не произошло.

И «Клоп» мог бы быть сделан Мейерхольдом безусловно интереснее, но Мейерхольд, вероятно, мечтал о «Даме с камелиями».

Печать также была сдержанна, и пьеса шла недолго.

Последними моими работами с Маяковским были обложки к «Клопу» и са-

И я бы не хотел быть на его месте. И так...

14 апреля 1930 года...

Я с утра был в Планетарии, где устраивал антирелигиозную выставку, меня вызвала по телефону Варвара и сказала: «Володя застрелился».

— Как, совсем?

— Да, насмерть.

Стало странно и дико, неужели и мы виноваты в этом?

Может быть, частично и мы. Но ведь он такой крепкий?

И рухнул сразу, как от молнии. Ну как это может быть?

Всю дорогу я с ненавистью вспоминал рапповцев.

И проклинал Авербаха и же с ним. Заехал домой, зарядил «Лейку» и поехал на Таганку.

Все еще мелькало, что, может быть, не совсем... Может быть, есть еще надежда.

Но когда вошел в столовую и увидел людей и лица и эту странную тишину... Эй!

Господа! Любители святотатств, преступлений, боев...

а самое страшное выдвину — лицо мое, когда я абсолютно спокоен?

Он лежал в своей крошечной комнате, накрытый простыней, чуть повернувшись к стене.

Чуть отвернувшись от всех, такой страшно тихий, и это остановившееся время... И эта мертвая тишина... говорила опять и опять о злобной бездарности, о гнусной травле, о мещанстве и подлости, о зависти и тупости всех тех, кто совершил это мерзкое дело. Кто уничтожил этого гениального человека и создал эту жуткую тишину. И пустоту.

Я сделал с выдержкой пять снимков и, угнетенный этой мертвой тишиной, ушел домой.

Начались дни печали... все требовали портретов.

Настроение ужасное, а тут сиди в темной комнате, а перед тобой на чистой бумаге беспрерывно появляется Маяковский.

Это жестоко... но это нужно для него. Варвара оформляла «Литературную газету», посвященную памяти великого пролетарского поэта.

И последнее оформление было сделано — оформление гроба в Союзе писателей на Поварской.

И тут не без борьбы, я боролся с цветами...

Его хотели завалить цветами, везли и везли...

Вдруг все стали везти цветы — все организации, редакции, издательства...

Я хотел сохранить некоторую суровость, не любовь к мещанству, я беспрерывно выносил цветы...

В почетном карауле я опять почувствовал эту пустоту, нелепость смерти...

Но сколько народу, он шел и шел, и так и не было конца.

Это ОН не имел резонанса в массе! — они говорили.

Когда везли гроб, то милиция не могла сдерживать толпы, и из переулков все время прорывались толпы и все время нарушали порядок.

На домах вывешивали флаги и стихи Маяковского.

Если бы видел это Володя, он бы понял, что он не один, что он имеет резонанс, что его любили, что он нужен.

Но... ОН медленно покачивался на грузовике, на железной платформе, следящий по эскизу Татлина студентами Вхутемаса, глухо громыавшей и суровой.

1920 год

2 октября 1920 года на 19-й Государственной выставке я выставил 57 работ. Выставка открылась в «Салоне» на Большой Дмитровке, на вернисаже был Маяковский. Он подошел ко мне и просто сказал: «Идем, с тобой хочешь познакомиться Лилия Юрьевна Брик».

Я подошел и познакомился.

Это было первое знакомство с Маяковским.

Меня Маяковский с первого раза звал «старик», а я его Володя; он был моложе меня всего на два года.

1923 год

Я начал делать фотомонтаж для журнала «Кинофлот», также в плакатах к фильмам Вертова «Шестая часть мира» и «Киноглаз», Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин», для «Молодой гвардии», «Спутника коммуниста» и т. д., поэтому Володя захотел, чтобы и «Про это» сделал я.

Я сделал обложку и 11 монтажей.

Тогда же начал работать по рекламе для общества «Добролет», сделал значки и плакат «Тот не гражданин СССР, кто не состоит акционером «Добролета».

Не знаю, это ли дало толчок, или Маяковский уже собирался, а потому и заметил плакат, но только вскоре он предложил мне делать рекламу — для ГУМА: «Английский табак», «Голландское масло», «Отделение для мужчин», «Отделение для женщин», «Приезжий», «Часы Мозера».

Началась наша совместная работа. Марка была такая: «Реклам-конструктор МАЯКОВСКИЙ — РОДЧЕНКО». Работали с огромным подъемом.

Первыми плакатами, сделанными с Володей, были:

«Нет места сомнению и думе — Все для женщин только в ГУМе».

«Приезжий с дач, из городов и сел, Нечего в поисках трепать подошвы — сразу»

В ГУМе найдешь все Аккуратно, быстро и дешево! Самый деловой, аккуратный самый. В ГУМе обзаведись Мозеровскими часами».

1924 год

Нескромный, он был с аудиторией; обращался резко, по-деловому. С врагами

создание нашей новой рекламы — шла на полный ход.

К этому делу Володя относился очень серьезно. Он даже составлял расценки всяких рекламных работ. Эти расценки утвердил. В них все было тарифицировано: текст, эскиз, художественное исполнение. Я сделал альбом наших работ для показа заказчикам.

Утром он ходил и принимал заказы или сдавал, брал пиффовой и тематический материал. Часто это было большое количество отчетов, скучных книг, которые он прочитывал и выписывал цифры, темы и прочее.

Вечером, часов в 7, в 8, я приходил. Иногда он еще дописывал тексты при мне, иногда они уже были готовы.

Текст был с рисунком, который он не мог не сделать, хотя каждый раз говорил, что «вот это я нарисовал, но тебе, конечно, не нужно, это я так, для ясности».

Он знал, что я не использовал его рисунки по той причине, что они были сатирические, в стиле дуба.

Вся Москва украсилась нашей продукцией...

Вывески Моссельпрома... Все киоски — наши... Вывески Госиздата — «Черное, красное, золотое»...

ГУМ «Огонек» Чаушпраление

Было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, обертки, световых реклам, рекламных столбов, иллюстраций в журналах и газетах.

Об одной этой работе, продолжавшейся в течение нескольких лет, можно написать отдельную книжку...

Володя вечером и сам рисовал рекламные лубки, плакаты.

Вот записка: «Родченко, Приходи ко мне сейчас же с инструментом для черчения. Немедленно»

В. Маяковский (не смотри на записку на двери Брика)

Приходишь, оказываешься, ему нужно написать текст или вычертить что-нибудь. Он не любил чертить и вымерять. Он любил все делать от руки. Все сразу нарисует карандашом, без поправок и после все обведет тушью и уже потом раскрашивает.

Видно было, что делает это с любовью, с любовью, с любовью...

Видно было, что делает это с любовью, с любовью, с любовью...

Отец начал писать воспоминания о работе с Маяковским в конце 30-х годов. Он подводит итог жизни, еще раз задумываясь о событиях и людях, определивших его судьбу. Он долго изучал стиль письма Достоевского, Толстого, Анатоля Франса, прежде чем решился начать рукопись. Писал мой отец карандашом на длинных полосках бумаги, часто делая абзацы и ставя многоточия, как знак того, что еще предстоит вспомнить, объяснить, рассказать...

В этом году исполняется 95 лет со дня рождения Александра Михайловича Родченко. Отец прожил удивительную жизнь... И человеком он был удивительным. Он был художником нового типа — разносторонним, деятельным, преданным Революции. Живописец и график, дизайнер и фотограф, художник книги, театра и кино, педагог и исследователь... Он мечтал соединить искусство с наукой и техникой, разрабатывал фантастические архитектурные сооружения будущего, вводил в декорации театра и кино массу изобретательских новинок. Внешне спокойный, невозмутимый, слегка пронырливый, он переносил свою внутреннюю энергию публикующимся формой и цветом композициям, пространственным моделям, невиданным ракурсам фото-

графий. Своими снимками и проектами он творил целый мир для себя и своих современников.

Годы совместной работы связывали Владимира Маяковского с моим отцом. Они хорошо понимали друг друга, ведь ничто так не сближает людей, как общее дело. Владимир Владимирович пенял в Александре Михайловиче талант, трудолюбие, умение мечтать. Поэт часто бывал у художников в мастерской. Здесь отец вместе со студентами ВХУТЕМАСа часто выполнял эскизы рекламных плакатов, текст к которым писал Маяковский. В этой же мастерской в 1924 году и была сделана серия фотоportретов поэта, один из которых вы видите. Обо всем этом отец и рассказал в своих воспоминаниях.

Рукопись отца и оригиналы некоторых работ, выполненных вместе с Владимиром Маяковским: выкрашенные гуашью, рекламы, фотомонтажи — иллюстрации к поэме Маяковского «Проза» мы передали в Государственный музей В. В. Маяковского. Долгое время с ними были знакомы только работники музея, но не так давно впервые некоторые работы отца были опубликованы. Они вошли в сборник «А. М. Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма».

Барвара РОДЧЕНКО.

1920 год

2 октября 1920 года на 19-й Государственной выставке я выставил 37 работ. Выставка открылась в «Салоне» на Большой Дмитровке, на вернисаже был Маяковский. Он подошел ко мне и просто сказал: «Идем, с тобой хочешь познакомиться Лилия Юрьевна Брик».

Я подошел и познакомился. Это было первое знакомство с Маяковским.

Меня Маяковский с первого раза звал «старик», а я его Володя; он был моложе меня всего на два года.

1923 год

Я начал делать фотомонтаж для журнала «Кинофлот», также в плакатах к фильмам Вертова «Шестая часть мира» и «Киноглаз», Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин», для «Молодой гвардии», «Спутника коммуниста» и т. д., поэтому Володя захотел, чтобы и «Проза» сделал я.

Я сделал обложку и 14 монтажей.

Тогда же начал работать по рекламе для общества «Добролет», сделал значки и плакат «Тот не гражданин СССР, кто не состоит акционером «Добролета».

Не знаю, это ли дало толчок, или Маяковский уже собирался, а потому и заметил плакат, но только вскоре он предложил мне делать рекламу — для ГУМа: «Английский табак», «Голландское масло», «Отделение для мужчин», «Отделение для женщин», «Приезжий», «Часы Мозера».

Началась наша совместная работа. Марка была такая: «Реклам-конструктор МАЯКОВСКИЙ — РОДЧЕНКО». Работали с огромным подъемом.

Первыми плакатами, сделанными с Володей, были: «Нет места сомнению и думе — Все для женщин только в ГУМе», «Приезжий с дач, из городов и сел, Нечего в поисках трепать подошвы — сразу».

В ГУМе найдешь все Аккуратно, быстро и дешево! «Самый деловой, аккуратный самый. В ГУМе обзаведись Мозеровскими часами».

1924 год

Нескромный он был с аудиторией; обращался резко, по-деловому. С врагами говорил громко и уничтожающе. И от этого не любил его обыватель — тихий и скромный, мелко подхихкивающий. Читал он в Доме печати поэму «Ленин».

Клуб этот маленький, сцена маленькая, народу до того набилось, что уже у дверей зала толпа...

Володя рассказывает по сцене, большой и широкий, и деловым видом своим уже возмущает обывателя — «ну, такой же это Евгений Онегин!».

Он льет воду и, когда становится невыносимо душно, снимает пиджак.

Это уже для обывателя невыносимо. Володя поддерживает штаны... Конечно, такого «непоэтического» поэта, несмотря на то, что стихи гениальны, они принять за поэта не могут...

Работа над советской рекламой —

создание нашей новой рекламы — шла на полный ход.

К этому делу Володя относился очень серьезно. Он даже составлял расценки всяких рекламных работ. Эти расценки утвердили. В них все было тарифицировано: текст, эскиз, художественное исполнение. Я сделал альбом наших работ для показа заказчикам.

Утром он ходил и принимал заказы или сдавал, брал цифровой и тематический материал. Часто это было большое количество отчетов, скучных книг, которые он прочитывал и выписывал цифры, темы и прочее.

Вечером, часов в 7, в 8, я приходил. Иногда он еще дописывал тексты при мне, иногда они уже были готовы.

Текст был с рисунком, который он не мог не сделать, хотя каждый раз говорил, что «этот это я нарисовал, но тебе, конечно, не нужно, это я так, для ясности».

Он знал, что я не использовал его рисунки по той причине, что они были сатирические, в стиле дуба.

Вся Москва украсилась нашей продукцией...

Вывески Моссельпрома... Все киоски — наши... Вывески Госзлата — «Черное, красное, золотое»... ГУМ «Огонек» Чаеуправление

Было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, обертки, световых реклам, рекламных столбов, иллюстраций в журналах и газетах.

Об одной этой работе, продолжавшейся в течение нескольких лет, можно написать отдельную книжку...

Володя вечером и сам рисовал рекламные дубки, плакаты.

Вот записка: «Родченко, Приходи ко мне сейчас же с инструментом для черчения. Немедленно».

В. Маяковский

(не смотря на записку на двери Брик)...

Придешь, оказываешься, ему нужно написать текст или вычертить что-нибудь. Он не любил чертить и вымерять. Он любил все делать от руки. Все сразу нарисует карандашом, без помарок и после все обведет тушью и уже потом раскрашивает.

Видно было, что дается это ему легко и работать ему приятно, и он делался ласковым и нежным.

Работали иногда засветло. Утром, в 11, я уже нес плакаты Володе или он заходил за ними... Вечером повторение того же, иногда и переделка.

Сдавал работу обычно сам Володя, я был с ним только два раза.

Вспоминаю, как он сдавал плакаты в Чаеуправление. Среди плакатов один «застрлял», то есть вызывал у кого-то сомнения. Кто-то говорил: «Почему нет косы у китайца?». На плакате китаец был нарисован прямо в фас, с поднятыми руками, жонглирующий на ходу цыбиками чая.

Володя отвечает: «Коса есть, но она сзади, если повернуть его спиной, коса будет видна».

В связи с работой по фотомонтажу начал я заниматься фотографией — то

и дело нужно было что-нибудь переснять, увеличить, уменьшить... Купил себе два аппарата. Не было у меня увеличителя, и таковой я все время присматривал в магазинах.

В магазине у Гека на Тверской я обнаружил подходящий увеличитель, но сунул платить — оказалось денег 180 рублей, а нужно 210. Сгоряча заплатив 180, я сказал, что сейчас принесу остальные. Выбежал из магазина и, идя дорогой, раздумывал: у кого взять деньги? Так я шел в глубоком раздумье по Кузнецкому...

И вдруг прямо передо мной... «Что с тобой, старик? У тебя такой убитый вид!».

Володя... Я сразу, ничего не объясняя ему: «Мне нужно три червонца!».

Володя дал, и я быстро от него бросился обратно. Пришел в магазин, заплатил и потащил фонарь домой, отходя на подоконниках магазинов.

Горестно думал: «Вот плют, не взял денег у Володи больше на извозчика...».

Притащил на восьмой этаж, меня встретила встревоженная Барвара...

Оказывается, Володя звонил и спрашивал, что со мной; он встретил меня расстроенного, я спросил у него три червонца и, взяв и ничего не сказав, убежал куда-то.

Этот эпизод маленький, но я его помню... Отношение его к товарищам было очень чуткое, вымателное.

В 1924 году в моей мастерской на Кировской я впервые фотографировал В. В. Маяковского.

1925 год

По предложению Володи, который входил в члены комитета Всемирной Парижской выставки 1925 года от Академии художественных наук, мне заказали экспонат на выставку в Париже — «Рабочий клуб». И еще нужно было сделать копии с тех плакатов, что мы делали для Моссельпрома, ГУМа и Резинотреста.

Мы с Володей за рекламу получили серебряную медаль, кроме того, я за театр и интерьер еще две медали.

Мы бы получили и золотые, но Фран-

ция к СССР относилась тогда неважно и явную агитацию не поощряла.

1926 год

Володя очень часто ездил за границу. По карте поездок, которую сейчас делал Барвара, выяснилось, что в год он ездил на круг 4 раза. Но тогда это было так мало заметно, что его нет в СССР или в Москве. Вернее, совсем не было заметно. В газетах он продолжал печататься, присылал стихи, а приезжал и сразу же выступал с докладами и новыми стихами.

Он привозил целые чемоданы журналов, каталогов, книг.

Привез и подарил мне Володя монографии — Гросса, Ларионова, Гончаровой, Делоне, «негров», Руссо, Пикабля, Андре Лота, Б. Григорьева, Пикассо.

Таким образом, и печать, и нас он информировал о культуре и искусстве Запа- пада.

Он любил все виды искусства и крепко был с ними связан.

1927 год

Как-то Володя попросил меня напечатать фото с Ленина. У меня были репродукции, снятые с фото в музее Ленина. Я принес ему два отпечатка. Один — голова говорящего Ленина, а другой — стоящего на грузовике на Красной площади. Он их повесил в комнате на Лубянке. До последнего момента говорящий Ленин висел на стене.

Видимо, как-то, смотря на эту фотографию, он написал стихотворение «Разговор с товарищем Лениным».

В «Известиях» появился подвал Полонского «Заметки журналиста. ЛЕФ или БЛЕФ».

«В одном из номеров «Правды» интригующе бросилось в глаза: «Новый ЛЕФ» — журнал левого фронта искусств. И на видном месте объявления заглавие статьи «Родченко в Париже».

Объявление достигло цели: я заинтересовался. Я развернул вторую тетрадку журнала... пропустил стихотворную статью Вл. Маяковского «Нашему юношеству» и принялся за Родченко. Не

поэт одному из своих свердловских тифов.

29 января в «Уральском рабочем» появилось новое стихотворение поэта, написанное на уральской земле. — «Екатеринбург — Свердловск».

Всего Маяковский написал три стихотворения, непосредственно связанных с пребыванием в Свердловске. В их числе «Император» и «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру».

Ими по традиции и открытуют свердловчане большой литературный праздник

всякий знает, кто такой Родченко и почему важно, что Родченко был в Париже.

Но не зря же, думалось мне, он занимает четвертую часть «Нового ЛЕФа». Тут что-то есть.

Но разочаровался с самого начала — название оказалось «троюком», то были отрывки из писем, которые названный Родченко писал кому-то из своих домашних. Но и это не безынтересно: «Наши за границей».

Я задумался над выражением «стихотворная статья». Что это? Показать, что Маяковский не умел писать прозой, что ли? Оказывается, этот «журналист» так называл стихи Маяковского... В марте на диспуте «ЛЕФ и БЛЕФ» Володя, выступая против Полонского, говорил обо мне.

Во мне он защищал соратника, приверженца определенных установок в искусстве.

Ему было поэтому важно показать не лично меня, не какие-то мои качества, а мой работы и характер моего направления в искусстве.

Со свойственной ему прямолинейностью и темпераментом бойца он характеризовал меня как художника.

Володя всегда считал нужным защищать людей, рядом с ним борющихся.

Я не хочу оправдывать целиком ЛЕФ, но я оправдываю целиком Маяковского.

Мы делали наряду с ценным и нужным безусловно много ошибочного. Например, по моей линии — по искусству.

Совершенный отказ от живописи в пользу фотографии был ошибкой.

ЛЕфы разбредлись еще при существовании ЛЕФа.

Но мы должны были быть вместе, и особенно Маяковский не мог быть один, он не привык быть в одиночестве.

И когда он вошел в РАПП, то РАПП не дал ему ни друзей, ни интересной работы, ни идей, ни перспектив... И тогда он ушел совсем... Но я забежал вперед, нужно еще вспомнить о «Клопе».

Это было, кажется, на Таганке.

Мне особенно запомнилось, как начинал Маяковский читать «Клопа». Это было так неожиданно и так гениально оригинально...

Взял рукопись и начал.

В.

Маяковский

«Клоп»

феерическая и т. д.

Вот это очень резкое, неожиданное и очень громкое «В», а остальное все одинаковое, меня так поразило.

Видимо, Мейерхольд был против меня как художника, и потому репетиции уже шли, и первые четыре части совершенно и бытовые уже делали Кукрыниксы, а будущее — 70-й год и части 5, 6, 7, 8 и 9-я не делались совсем.

По Володе, видимо, уговорил Мейерхольда, и меня пригласили как оформителя.

Вечером назначена была репетиция с разрушающей и костюмами.

Я нарочно запоздал, и, когда вошел в зал, репетиция шла. Первым подошел ко мне Володя, он пожал руку, сказал «спасибо» и что ему все очень нравится.

Я мрачно заметил, что Мейерхольд недоволен.

Володя сказал, что, наоборот, он в восторге.

Мейерхольд также поздравил меня; как будто днем ничего не произошло.

И «Клоп» мог бы быть сделан Мейерхольдом безусловно интереснее, но Мейерхольд, вероятно, мечтал о «Даме с камелиями».

Печать также была сдержанна, и пьеса шла недолго.

Последними моими работами с Маяковским были обложки к «Клопу» и самая последняя — оформление «Грозного смеха», выпуск из печати которого Маяковский уже не застал.

«Грозный смех» издался отвратительно — на плохой бумаге, грубо и грязно.

Мы знали, что в РАПСе делать нечего будет не только нам, но и Маяковскому.

Так оно и оказалось.

Делать ему было нечего, и он сам выдумал себе занятие. Выставку «20 лет работы».

На выставку никто не пришел — ни представители печати, ни руководители РАПСа, и это влияло на настроение одиночества Маяковского.

Он бросил ЛЕФ, бросил товарищей, вошел в РАПП...

А РАПП, приняв его в члены, больше им не интересовался.

Я представляю теперь настроение Маяковского...

И я бы не хотел быть на его месте.

Итак...

Итак...

14 апреля 1930 года...

Я с утра был в Планетарии, где устраивал антирелигиозную выставку, меня вызвала по телефону Барвара и сказала: «Володя застрелился».

— Как, совсем?

— Да, насмерть.

Стало странно и дико, неужели и мы виноваты в этом?

Может быть, частично и мы.

Но ведь он такой крепкий?

И рухнул сразу, как от молнии.

Ну как это может быть?

Всю дорогу я с ненавистью вспоминал рапповцев.

И проклинал Авербаха и иже с ним. Заехал домой, зарядил «Лейку» и поехал на Таганку.

Все еще мелькало, что, может быть, не совсем... Может быть, есть еще надежда.

Но когда вошел в столовую и увидел людей и лица и эту странную тишину...

Эй!

Господа!

Любители

святотатства,

преступлений,

боен,—

а самое страшное видели —

лицо мое,

когда

я

абсолютно спокоен?

Он лежал в своей крошечной комнате, накрытый простыней, чуть повернувшись к стене.

Чуть отвернувшись от всех, такой страшно тихий, и это остановившееся время... И эта мертвая тишина... говорила опять и опять о злобной бездарности, о гнусной травле, о мещанстве и подлости, о зависти и тупости всех тех, кто совершил это мерзкое дело. Кто уничтожил этого гениального человека и создал эту жуткую тишину. И пустоту.

Я сделал с выдержкой пять снимков в угнетенный этой мертвой тишиной, ушел домой.

Начались дни печали... все требовали портретов.

Построение ужасное, а тут сиди в темной комнате, а перед тобой на чистой бумаге беспрерывно появляется Маяковский.

Это жестоко... но это нужно для него. Барвара оформляла «Литературную газету», посвященную памяти великого пролетарского поэта.

И последнее оформление было сделано — оформление гроба в Союзе писателей на Поварской.

И тут не без борьбы, я боролся с цветами...

Его хотели завалить цветами, везли и везли...

Вдруг все стали везти цветы — все организации, редакции, издательства...

Я хотел сохранить некоторую суровость, нелюбовь к мещанству, я беспрерывно выносил цветы...

В почетном карауле я опять почувствовал эту пустоту, нелюбовь смерти...

Но сколько народу, он шел и шел, и так и не было конца.

Это ОН не имел резонанса в мас- сах! — они говорили.

Когда везли гроб, то милиция не могла сдержать толпы, и из переулков все время прорывались толпы и все время нарушали порядок.

На домах вывешивали флаги и стихи Маяковского.

Если бы видел это Володя, он бы понял, что он не один, что он имеет резонанс, что его любили, что он нужен.

Но... ОН медленно покачивался на грузовике, на железной платформе, слезанной по эскизу Татлина студентами Вхутемаса, глухо громыавшей и суровой.

Он медленно плыл.

Самый живой из живых.

Боевой командир нового революционного фронта искусств.

Великий пролетарский поэт СССР.

...Слушайте же: все, чем владеет моя душа, — а ее богатства пойдите смерти ей!

вселикопесие, что в вечность украсит мой шаг, и самое мое бессмертие, которое, громыавшее по всем векам, колесопреломленных соберет мировое вече,—

все это — хотите? — сейчас отдам за одно только слово ласковое, человечье.

1939.

Александр РОДЧЕНКО.

Как живой с живыми

РОСТОВ-НА-ДОНУ. Большие поэтические вечерами Дон отмечает день рождения великого пролетарского поэта. И как шестьдесят лет назад, на открытых площадках, остывающих от жары городов, в залах рабочих клубов и переполненных библиотек звучат его стихи и стихи современных донских поэтов — своеобразный их отчет о времени и о себе. Поэтическая переключка на марше. Переключка времени и памяти.

Четырежды приезжал Маяковский в Ростов. Выступал

на заводах, в полках, институтах, клубах...

«...Езжу как бешеный, — писал он в одном из писем 1926 года. — Уже читал в Воронеже, Ростове, Таганроге, опять в Ростове, Новочеркасске и опять два раза в Ростове, сейчас сижу в Краснодаре...».

Только за последние три года своей жизни — 200 выступлений в разных городах страны, около 200 тысяч собеседников присутствовало на них. Он уже тогда был и «наш», и «свой», и «правофланговый».

Промежные десятилетия лишь

СВЕРДЛОВСК.

Свердловск по праву назван в числе тех

городов, где проводится Всесоюзный праздник поэзии В. В. Маяковского.

В 1928 году читал он свердловчанам свою поэму «Хорошо!» Город рабочего класса принял Маяковского как своего, тепло и радушно. И поэт не жалел времени для знакомства со «Свердловской повестью».

Как раз в эти годы в городе началось строительство гигантской индустрии, развернулось жилищное строительство.

«Не город — а строительная площадка», — сказал тогда

Всесоюзный праздник поэзии, посвященный 93-й годовщине со дня рождения Маяковского

поэт одному из своих свердловских тифов.

Воронеж. В честь Всесоюзного дня поэзии воронежская писательская организация направила группу литераторов в

районы области. В Верхнемарском, Грибановском, Таловском районах воронежские поэты и прозаики познакомили тружеников села со страницами жизни и творчества Вл. Маяковского, прочитали его произведения. А воронежский писатель Владимир Корабининов, автор романов «Жизнь Кольцова», «Жизнь Никитина» и других, с волнением вспоминал о встречах с Маяковским. В Воронеже поэт выступал в ноябре 1926 года с чтением своих стихов в драматическом театре, встречался с

мастерами литературы. В то время в редакции газеты «Воронежская коммуна» была создана литгруппа, которая создавала писательские силы, устраивала литературные вечера, устраивала «Чертюль».

Вскоре она приняла название ассоциации «Черный» и вошла в федерацию советских писателей. Благоприятное влияние на творческий рост и становление этой ассоциации оказала встреча ее участников с В. В. Маяковским. И сегодня воронежские литераторы с благодарностью чтут память поэта.